Добро и зло

добро и зло. Противопоставление Д. и з. играет важную роль в дуалистических мифах, где каждый из персонажей и символов относится либо к положительному ряду как носитель добра, либо к отрицательному ряду как воплощение злого начала.

В частности, в дуалистических близнечных мифах один из божественных близнецов может быть воплощением добра, другой — зла (соответственно Тавискарон и Иоскеха у ирокезов и гуронов и др.). Однако значительно чаще Д. и з., хотя и выделяются как основные смысловые понятия, прямых названий внутри мифологической системы не имеют (иногда по причинам табуистического характера): в частности, для обозначения зла употребляется символ «левой стороны», обычно соотносимой со злом (см.

Левый и правый). В отличие от архаических дуалистических мифологий, более развитые мифологии Ближнего Востока, например хаттская и хеттская, различают «добро, благо» и «плохое, зло», связанное с «тёмной землёй» («нижним миром»); целью особого обряда становится избавление человека от «зла» и различных его мифологических и ритуальных воплощений (злого языка, злого глаза и т. п.).

Противопоставление Д. и з. свойственно и дуалистической мифологии Древнего Египта. В поздней египетской сказке о правде и кривде (1-е тысячелетие до н. э.) воплощение зла кривда ослепляет своего старшего брата — правду, воплощающего добро; в сказке кривде помогает девятерица богов.

Аналогичная сказка о двух братьях известна в хеттской литературе с середины 2-го тысячелетия до н. э. (в переводе с хурритского, см. Аппу).

Мотив соперничества или состязания правды и кривды имеется также в древнеиндийской традиции и со временем становится распространённым литературным сюжетом (возможно, к нему восходит и аналогичный мотив в древнерусской «Голубиной книге», хотя противопоставление правды и кривды, коренящееся в самих истоках славянской дуалистической мифологии, могло получить литературную обработку и

независимо от позднейших восточных влияний). В гомеровском эпосе и в «Авесте» носители злых и добрых намерений обозначаются одинаковыми словами (греч. δυσμενής, «злонамеренный», др.-инд. dur-manas, авест. duž. manah, «злое побуждение духа» и греч. ευμενέτης, микено-греч. e-u-me-ne, «благомыслящий», авест. hu. manah, «доброе побуждение духа»), что позволяет говорить об очень древних истоках того противопоставления Д. и з., которое позднее в «Авесте» переосмыслено в духе зороастрийского дуализма, а в ранней греческой традиции отразилось во включении оппозиции хорошего и плохого в число основных противоположностей у пифагорейцев.

Развитые религиозно-философские системы характеризует понимание Д. и з. как нравственных категорий, определяющих поведение человека, не связанных с воздействием на него различных мифологических сил или состоянием ритуальной чистоты или осквернённости. Но и в этот период возможно распространение дуалистических систем, в которых (например, в манихействе, у богомилов) наряду с воплощением доброго начала (богом) предполагается также и наличие отдельного воплощения зла (сатаны, Люцифера и т. п.).

Этот мотив как чисто литературный находит продолжение в культуре нового времени, в частности в произведениях, построенных по типу египетской и хурритско-хеттской сказок о двух братьях («Мастер Балантре» Р. Л. Стивенсона), либо с героем, воплощающим в себе отдельные персонажи Д. и з. (его же «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда»). Литература:Douglas M., Purity and danger…, L., 1966;Klein M., Our adult world and its roots in infancy, L., 1960;Grava A., Laspect métaphysique du Mal dans lœuvre litteraire de Charles Baudelaire et dEdgar Allan Poe, Lincoln, 1956;его же, A structural inquiry into the symbolic representation of ideas, P.—The Hague, 1969;Otto R., The idea of the holy, Oxf., 1929.